

своего в Петербурге, постоянно выказывали много такта, ума и учености, но кроме того отличались необыкновенной деликатностью, любезностью и учтивостью. Японское посольство пробыло в Петербурге больше месяца и, изучая нравы и достопримечательности нашей столицы, позволило и нам ознакомиться с обычаями, нравами и национальным характером страны, впервые отрядившей в Европу своих представителей. Члены японского посольства уехали из Санкт-Петербурга 4-го сентября». Редакция газеты ошиблась, сообщая, что миссия отправилась из столицы 4 сентября. На самом деле она уехала днем позже.

Японский труд в рыбной промышленности на Дальнем Востоке России

В. Г. Дацышен

Важнейшим вопросом в истории русско-японских отношений в конце XIX – первой половине XX вв. было постоянное и значительное присутствие японского труда в рыбопромышленности на Дальнем Востоке России. Японский труд на русских и японских рыбодобывающих и рыбообрабатывающих предприятиях был важным фактором экономического и политического развития Японии и востока России. История появления, развития и свертывания японского труда в рыбопромышленности на Дальнем Востоке в этой статье рассматривается в общем контексте истории русско-японских отношений.

Ключевые слова: российско-японские отношения, Дальний Восток России, рыбная промышленность, японские рабочие.

Важнейшими факторами истории русско-японских отношений в конце XIX – первой половине XX в. были японское рыболовство в российских пределах и присутствие японских рабочих рук на Дальнем Востоке России. В последние годы появилось немало работ по истории русско-японских отношений, в том числе и о японском присутствии на Востоке России. Однако вопросы японского труда в рыбопромышленности на русской территории по-прежнему исследованы недостаточно.

В числе первых японцев, поселившихся в России в 60–70-х гг. XIX в., были несколько человек, сбежавших из-за невыносимых условий труда с немецких промысловых судов в Охотском море. З. Ф. Моргун приводит примеры судеб Масаки, Кюдзо и Муто, оказавшихся во Владивостоке¹. По мнению японских исследователей, «первые контакты японских рыбаков с Дальним Востоком России датируются 1870 г. Считается, что в это время некоторые из них, проживавшие на Карафуто (нынешний Сахалин), предприняли первую попытку проникнуть на территорию теперешнего Приморья. Но деловые контакты начались гораздо позже. В 1881 г. Токийская торговая ассоциация начала здесь отлов кеты...»².

Вопрос о праве японцев на рыбную ловлю в русских пределах на Дальнем Востоке возник с первых дней русско-японского пограничного размежевания. А. Л. Анисимов отмечает: «Уже в 50-е гг. ряд российских

¹ Моргун З. Ф. Владивосток и японцы. Исторический очерк // Россия и АТР. 1993. №2.

² Судзуки А. К российским берегам. Советско-японские отношения в области рыболовства до 1945 г. // Россия и АТР. 1992. №2. С. 37.

чиновников отмечал особую важность для японцев рыбной ловли на юге Сахалина, который, по мнению полковника Буссе, был более значимым для них, чем территориальный вопрос»³. В январе 1872 г. Н. Н. Муравьев-Амурский в письме на имя российского поверенного в делах в Японии Е. К. Бюцова отмечал: «Необходимо также упомянуть в инструкции, что Вам предоставляется оставить японцам пользование рыбными ловлями в Аниве на правах частного лица или компании хоть на 99 лет, ибо главнейший их материальный интерес на Сахалине в этих ловлях и нам они вовсе не нужны»⁴.

Японцы получили возможность экономического освоения русских территорий на Дальнем Востоке благодаря подписанному в 1875 г. в Санкт-Петербурге русско-японскому договору. Режим максимального благоприятствования японцам на рыбных промыслах был одним из условий японской стороны при отказе от претензий на Южный Сахалин. Попытки местных русских властей ограничить японское рыболовство в 1870-х гг. не нашли поддержки в Санкт-Петербурге.

В 1880 г. между Санкт-Петербургом и Токио было достигнуто соглашение об урегулировании спорных вопросов, и тогда же были приняты «Правила о промыслах на свободных государственных водах Приморской области» сроком на 10 лет⁵. С 1883 г. японские рыбопромышленники стали вносить в русскую казну плату за выловленную рыбу. В 1883 г. Россия отклонила предложение японского правительства взять в аренду на 10 лет рыбные промыслы на восточном берегу Сахалина, но в 1885 г. Санкт-Петербург все же разрешил японцам ловить рыбу на Сахалине – с оплатой по пять копеек за пуд выловленной рыбы. По данным японских исследователей, в это время японских рыбаков было немного. А. Судзуки пишет: «Японских рыбаков на дальневосточных землях сначала насчитывалось единицы, а к 1892 г. их число возросло до 26»⁶.

Важным этапом японского освоения Камчатки стало создание в 1892 г. отставным лейтенантом японского императорского флота Гундзи Таданари «Общества Курильских служащих». С 1896 г. рыбу на Камчатке стала добывать японская компания «Россия Оттосэй», А. Судзуки считает это «началом деятельности японцев на Камчатке», отмечая: «в мае... из г. Хакодате на Камчатку направляются 46 человек для отлова

и переработки рыбы»⁷. В конце XIX в. десятки японских рыболовных судов занимались промышленным ловом рыбы и других морепродуктов вдоль русского побережья, тысячи японцев занимались добычей и переработкой рыбы на японских и русских рыбопромышленных предприятиях. Русско-японская рыболовная конвенция 1907 г. предоставила японцам права на ловлю и обработку рыбы и других морепродуктов на русском побережье Японского, Охотского и Берингова морей.

К началу XX в. японский труд на русской территории получил широкое распространение. В 1900 г., например, в российские пределы въехало почти 6 тыс. человек японских подданных⁸. В Николаевске-на-Амуре и Удской округе к 1901 г. имелось 115 японских предприятий с числом рабочих 2114. В их числе было 102 рыбопромышленных предприятия, кроме того, 4 прачечных с 15 рабочими, две парикмахерские и одно предприятие «лесорубного промысла»⁹.

Сложно судить о точном числе японских рабочих, занятых в рыбопромышленности на русском Дальнем Востоке. Сахалинский историк А. М. Лопчев пишет, что в конце XIX в. «наряду с русскими на юге острова рыбными промыслами занимались и японцы. Они арендовали в заливе Терпения до 200 участков, завозя 3–4 тыс. сезонников»¹⁰. Кроме того, историк указывает, что японцы работали и на предприятиях русских рыбопромышленников на Сахалине. Хабаровский исследователь А. В. Алепо отмечает: «На Камчатке в 1900 г. ... на всех рыболовных участках полуострова, принадлежавших русским предпринимателям, работало 1425 чел., исключительно японцев»¹¹. По данным этого исследователя, доля японских рабочих в рыбной промышленности южного Сахалина составляла 97%¹². Японский исследователь А. Судзуки сначала утверждает, что в 1900 г. в русских компаниях работало 637 японских рыбаков, а затем пишет: «В 1890 г. число японских рабочих достигло 2379 человек, из них 917 человек работали вместо русских, официально зачисленных...»¹³. Иркутский историк В. В. Синиченко

⁷ Там же. С. 38.

⁸ Штейнгауз А. И. Японская эмиграция в конце XIX в. // Россия и Восток: Взгляд из Сибири. Т. 1. Иркутск, 1998. С. 253.

⁹ Листок Приморского областного статистического комитета. №12. Владивосток, 1901. С. 2.
¹⁰ Лопчев А. М. Из истории освоения южного Сахалина русскими на рубеже XX в. // Международная научная конференция «Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–X вв. Тез. докл. и сообщ. Владивосток, 1993. С. 2.

¹¹ Алепо А. В. Проникновение японского капитала в рыбопромышленность Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв. // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке / Тез. докл. и сообщ. Хабаровск, 1995. С. 82.

¹² Алепо А. В. Столкновение экономических интересов России и Японии на Дальнем Востоке в начале XX в. // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории. Материалы межд. научн. конф. Хабаровск, 1997. С. 46.

¹³ Судзуки А. К российским берегам. Советско-японские отношения в области рыболовства до 1945 г. // Россия и АТР. 1992. №2. С. 38.

³ Анисимов А. Л. Русско-японские отношения в районе Японского моря в новое время (XVII в. – 1918 г.) // Вопросы истории Дальнего Востока. Вып. 3 (8). Ч. 1. Хабаровск, 2001. С. 38.

⁴ Елизарьев В. Н. От «Временного соглашения об острове Сахалин» (1867 г.) к Санкт-Петербургскому договору (1875 г.) // Россия и АТР. 2007. №1. С. 114.

⁵ Анисимов А. Л. Русско-японские отношения в районе Японского моря в новое время (XVII в. – 1918 г.) // Вопросы истории Дальнего Востока. Вып. 3 (8). Ч. 1. Хабаровск, 2001. С. 39.

⁶ Судзуки А. К российским берегам. Советско-японские отношения в области рыболовства до 1945 г. // Россия и АТР. 1992. №2. С. 37.

отмечает: «В 1902 г. 300 японских шхун и от 6 до 8 тыс. рабочих японцев находились в российских пределах»¹⁴. Почти все японцы, занятые в рыбопромышленности, приезжали в Россию лишь на летний промысловый сезон. А. Н. Хохлов приводит документ, в котором говорится, что в начале весны 1904 г. в Николаевске-на-Амуре проживало лишь 280 японцев, а в Корсаковском округе Сахалина – 570 японцев¹⁵.

Присутствие большого числа японских рабочих на русском Дальнем Востоке при наличии множества проблем в русско-японских отношениях способствовало росту напряженности в регионе. Правда, исследователь В. В. Синиченко утверждает: «Доминируя в рыбопромышленности Дальнего Востока, японцы, тем не менее, в процентном соотношении совершали меньшее количество экономических преступлений, чем русские, китайцы и корейцы»¹⁶. Но обе стороны предпринимали попытки к уменьшению числа японских рабочих в русских пределах. В 1902 г. японский парламент принял закон «О японских подданных, занимающихся рыбопромышленностью в иностранных водах», ограничивший возможность привлекать японские рабочие руки на русские рыбодобывающие предприятия. В июне 1902 г. в Санкт-Петербурге состоялось межведомственное совещание, на котором обсуждались вопросы ограничения японского присутствия в рыбопромышленности. На совещании было принято решение вытеснить «иностранцев с лососевых морских участков, а впоследствии и прибрежных соляных... за исключением Южного Сахалина и приграничной зоны на Тумангане...» к 1906 г.¹⁷ Для снятия напряженности в русско-японских отношениях по рыболовному вопросу японская сторона предложила заключить новую конвенцию, но переговоры затянулись и были прерваны русско-японской войной.

К вопросу о японцах в рыбопромышленности на русском Дальнем Востоке власти вернулись в 1906 г., когда на очередном особом совещании в Санкт-Петербурге были приняты рекомендации по уменьшению числа сдаваемых в аренду морских и прибрежных участков, увеличению штрафных санкций за браконьерство и о запрете российским рыбопромышленникам нанимать на работу иностранных рабочих. Японские рыбопромышленники, наоборот, активизировали свою работу и усилили давление на русские власти. В 1910 г. первый японский рыбоконсервный завод был построен на Камчатке. В 1914 г. 87% арендуемых японцами

рыболовных участков приходилось на Камчатку¹⁸. В начале второго десятилетия XX в. «японскими компаниями “Цуцуми сёкай”, “Юсю сёкухин кабусики кайся”, “Итии гумми”, “Сухара” на Дальнем Востоке было налажено производство консервированных морепродуктов»¹⁹.

После русско-японской войны подавляющее число японских рабочих рыбопромышленности приезжали в Россию лишь на промысловый сезон. «Материалы по обследованию рабочего вопроса в Приамурье» в 1911 г. по Амурской области зафиксировали лишь 7 японских рабочих, а по Приморской области – 353. При этом почти все из попавших под обследование японских рабочих (312 человек) были заняты на частных рыбопромышленных предприятиях²⁰. «Кроме стремившихся обосноваться в крае на жительство, из Японии постоянно шел поток сезонных рабочих на рыбные промыслы, который особенно вырос после заключения рыболовной конвенции в 1897 г. Если в 1889–1901 гг. на рыбных промыслах трудилось не менее 8 тыс. японских рабочих, то в 1912 г. – около 14 тыс., а в 1913 – свыше 16 тыс. человек»²¹. Сезонные японские рабочие трудились как на русских, так и на японских частных предприятиях.

Уже в самом начале XX в. была поставлена проблема ограничения японского труда в рыбопромышленности. Ю. С. Пестушко пишет: «Конвенция 1907 г. предусматривала ограничение числа рабочих, которых мог нанимать рыбопромышленник. Данное правило не распространялось на артельных старост и мастеровых... что давало возможность японскому рыболову иметь на судне неограниченный штат рабочей силы»²². Российские исследователи отмечают, что расширение японского труда вело к изменению качественных характеристик трудовой миграции. Например, А. В. Алепко отмечает: «В межпромысловый период, несмотря на запрет русских властей, японские рабочие оставались на арендуемых рыболовных участках, выполняя миссионерские функции среди туземного населения. Они вели широкую меновую торговлю... лечили от несложных болезней туземцев. Для детей аборигенов японские миссионеры открывали школы...»²³.

¹⁸ Ильина В. А. О формах хозяйственного освоения территорий северо-востока в 1920–1930-е годы (на примере Акционерного Камчатского общества) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. №2 (3). С. 41.

¹⁹ Пестушко Ю. С. Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Хабаровск, 2008. С. 161.

²⁰ Позняк Т. З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток, 2004. С. 266–268.

²¹ Там же. С. 32.

²² Пестушко Ю. С. Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Хабаровск, 2008. С. 182.

²³ Алепко А. В. Проникновение японского капитала в морские промыслы Российского Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв. // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Иркутск, 1995. С. 124.

¹⁴ Синиченко В. В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Иркутск, 2003. С. 20.

¹⁵ Хохлов А. Н. Положение японцев на русском Дальнем Востоке. 1904–1905 гг. Вопросы истории. 2010. №4. С. 79.

¹⁶ Синиченко В. В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской Империи во второй половине XIX – начале XX веков. Иркутск, 2003. С. 26.

¹⁷ Там же. С. 21.

В годы Первой мировой и гражданской войн в России позиции японских рыбопромышленников были значительно усилены. Несмотря на отсутствие формальных договоров, они продолжили свою деятельность на русском побережье. Исследователи отмечают: «Япония активно захватывала экономические позиции на российском Дальнем Востоке; в 1922 г. в ее руках оказалось 85% рыболовных участков российского Дальнего Востока, а на Камчатке – 93%»²⁴.

Советское руководство при проведении политики по рыболовному вопросу находилось в сложной и противоречивой ситуации. В письме Уполномоченного ГПУ при НКВД РСФСР Л. М. Бельского на имя Председателя Дальревкома П. А. Кобозева от 7 декабря 1922 г. говорилось: «Не давать японцам ловить мы не сможем и должны, ибо Япония без нашей рыбы не обойдется, ею питается 60% японской бедноты, но мы должны оградить себя от хищничества и заставить японцев подчиняться нашим законам о рыбной ловле»²⁵. 2 марта 1923 г. Совнарком РСФСР принял Декрет о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке. В документе говорилось: «Иностранные граждане могут заниматься обработкой рыбы на земельных участках... подчиняясь во всем законам, постановлениям и административным распоряжениям, действующим в пределах РСФСР и могущим последовать в будущем в отношении всех иностранцев... Иностранцам гражданам, которые приобретут право рыбной ловли, предоставляется возводить на берегу в пределах закрепленных за ними участков склады, ледники... и т. п., и после окончания промыслового сезона означенные сооружения должны быть снесены или оставлены под охраной сторожей – граждан РСФСР. Проживание иностранцев зимой на рыбопромысловых участках не допускается ни в каком случае...»²⁶.

Японские рыбопромышленники пытались игнорировать это постановление, и советская сторона посчитала возможным пойти на уступки. Жесткая позиция советского руководства могла нанести вред имиджу новой России, особенно после того как японский народ сильно пострадал от разрушительного землетрясения 1923 г. 13 октября 1923 г. Л. М. Карахан писал Г. В. Чичерину: «Японии землетрясением нанесен действительно сильный удар, необходимы многие годы, прежде чем Япония восстановит свое положение... при создавшемся положении значение рыболовного дела в наших водах приобретает еще большее значение, чем до сих пор...»²⁷. Катастрофа в Японии создала ситуацию, когда со-

ветское руководство готово было допустить на русское побережье японских рабочих. 21 октября Г. В. Чичерин писал Л. М. Карахану: «Что касается помощи пострадавшим от землетрясения... Вы знаете о плане Смидовича обратить различные деньги на снабжение снастями и вообще необходимыми материалами японских безработных, чтобы они сами ловили рыбу, и то же самое для лесных делянок... нет сомнения, что японское правительство не допустит организации трудовых артелей японских рабочих...»²⁸.

Уступки советского руководства были обусловлены еще и тем фактом, что отказ от сотрудничества с японцами негативно отражался на экономической ситуации разоренного гражданской войной Дальнего Востока. 13 февраля 1924 г. Г. В. Чичерин писал: «Приняв решение в различных отношениях держаться жесткого курса относительно японцев, мы сочли, однако, невозможным сечь самих себя. Других рыболовных промышленников там нет, никто кроме японцев не заарендует этих рыбных ловель... а японцы, в крайнем случае, будут ловить насильно. Мы решили поэтому подходить к вопросу о рыбных ловлях исключительно с хозяйственной точки зрения»²⁹. 6 апреля 1924 г. японские арендаторы признали свои долги и вновь приняли участие в торгах, получив в эксплуатацию 234 морских рыболовных и 14 краболовных участков, заплатив арендную плату в размере 12,7 млн. руб. золотом.

20 января 1925 г. была подписана советско-японская Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией. В документе было зафиксировано восстановление дипломатических и консульских отношений, а также готовность предоставить японцам концессии на территории СССР. Вместе с конвенцией были подписаны два протокола, в которых были «урегулированы некоторые вопросы в связи с названной конвенцией» и закреплены «основания для концессионных контрактов...». 27 марта 1925 г. была заключена рыболовная конвенция между Россией и Японией.

Этими договорами ограничивался процент иностранных рабочих на концессионных предприятиях в России. В советском проекте «основных положений для пересмотра рыболовной конвенции с Японией» от 29 марта 1926 г. говорилось: «Должно быть выставлено требование об ограничении приложения иностранной рабочей силы. Процентное соотношение советских и иностранных рабочих на промыслах должно быть определено по согласованию между НКВД, НКТрудом, ВЦСПС и Дальревкомом»³⁰. Необходимо отметить, что советская сторона пыталась запретить владельцам рыболовных участков открывать консерв-

²⁴ Орнатская Т. А., Ципкин Ю. Н. Концессионная политика Дальневосточной республики (1920–1922 гг.) // Россия и АТР. 2007. №1. С. 9.

²⁵ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 3. Л. 95

²⁶ Москва–Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931. Сб. док. В двух книгах / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. Кн. 1. М., 2007. С. 161–162.

²⁷ Переписка И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. Сост. А. И. Каргунова. М., 2008. С. 90–91.

²⁸ Там же. С. 97.

²⁹ Переписка И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. Сост. А. И. Каргунова. М., 2008. С. 171.

³⁰ Москва–Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931. Сб. док. С. 24.

ные заводы, допуская их лишь на концессионных началах. Несмотря на это в середине 1920-х гг. только на западном побережье Камчатки работало 20 японских консервных заводов, основанных хозяевами арендованных рыболовных участков. Японских рабочих также нанимали и советские предприятия и организации. Японский труд на территории России использовался иностранными концессионерами. В 1929 г. из 14 концессий на Советском Дальнем Востоке 11 были японскими, в том числе – четыре рыбопромысловых концессии³¹.

Осложняла советско-японские отношения проблема распространения на японских рабочих советского трудового законодательства. Г. В. Чичерин писал в сентябре 1926 г. в Политбюро ЦК ВКП(б): «В общем по выработываемому проекту договора прилагается к пришлым японским рабочим наш Кодекс труда, но с 4-мя изъятиями: минимум их заработной платы устанавливается заранее в особом протоколе... признается возможность сверхурочных работ; в тех случаях и в тот период, когда социальное страхование в Японии стоит или будет стоять наравне с нашим или на высшем уровне, операции по страхованию японских рабочих могут производиться в Японии...»³². Межведомственное совещание в Москве в феврале 1927 г. приняло решение: «Считать невозможным дать для промышленных рабочих на консервных заводах тот же режим, который уже согласован для рыболовных рабочих (рыбаков). Предложить НКТруду, ВЦСПС и НКВД в срочном порядке выработать для японских рабочих на консервных заводах режим, являющийся средним между нормальным и конвенционным, утя условия сезонных работ»³³.

Японская сторона не соглашалась с советской позицией, посол Т. Танака заявил: «Японское правительство того мнения, что работы на консервных заводах и на рыбных промыслах неразделимы... к тому же все рабочие, как на рыбных промыслах, так и на консервных заводах – японцы»³⁴. В конечном счете советское руководство, удовлетворившись согласием японской стороны повысить на 50% минимальную зарплату японского рабочего, согласилось на японские требования, сводившиеся к отмене ограничения продолжительности рабочего дня.

В 1920-х гг. японские рабочие преобладали в рыбной промышленности на Дальнем Востоке России. Японский труд использовался созданным в 1924 г. Охотско-Камчатским акционерным рыбопромышленным обществом (ОКАРО). Японские рабочие отправлялись на Камчатку на советских пароходах, заходивших по пути из Владивостока на Камчатку в порты Хакодате и Отару. На речных участках ОКАРО

японцы работали и жили обычно вместе с русскими рабочими, а на морских участках – жили и работали самостоятельно. Японские рабочие обрабатывали рыбу – как принятую у местного населения, так и самостоятельно добытую. С. В. Гаврилов отмечает: «На большевещеских промыслах ОКАРО трудилось 240 русских рабочих и служащих... и 120 японцев. Средний заработок русского рабочего за сезон составил 246 руб., японского вместе с содержанием – 190 руб., служащего – 672 руб. Ввиду того, что зарплата японцев на русских рыбалках была выше, чем у соотечественников, они стремились попасть именно сюда»³⁵. С. В. Гаврилов указывает также на то, что японские рыбопромышленники лучше соблюдали постановления местных органов власти, чем советские организации. Недовольства японских рабочих условиями труда и жизни на советских предприятиях были редки, конфликтные ситуации быстро разрешались.

В 1925 г. на Камчатку в общей сложности прибыли 1514 рабочих из Владивостока и 21 500 рабочих из Японии. Условия доставки и жизни на промыслах были трудными, и здесь нанятые Охотско-Камчатским акционерным рыбопромышленным обществом рабочие оказывались в лучших условиях. Русские и японцы обычно работали вместе: «На западном побережье в районе р. Большой на трех речных участках ОКАРО трудились 144 японца, 167 русских и два китайца. На морских промыслах находились шестеро русских и 106 японцев. На промыслах ОКАРО разделкой рыбы занимались исключительно японцы, но после указаний представителя профсоюза ... к этой работе были допущены русские...»³⁶.

Представление о числе японских рабочих на Камчатке и проблемах их труда дает «Резолюция конференции японских рабочих камчатских промыслов», направленная в начале лета 1927 г. в концессионное бюро ВСНХ. В документе говорилось: «Мы, 20 тысяч японских рабочих западного берега Камчатки, страдаем в рабственных условиях японокапиталистов и ожидаем результатов концессионного договора... мы надеемся, что на территории Сов. России Кодекс законов о труде будет также распространяться и на иностранных трудящихся»³⁷.

Рыболовная конвенция 1925 г. была подписана на один год, сторонам предстояло урегулировать еще немало отдельных вопросов и противоречий. Советско-японские переговоры закончились в январе 1928 г. подписанием новой рыболовной конвенции, позволившей японцам вернуться к легальному промышленному лову. В это время отношения между СССР и Японией были, по словам наркома иностранных дел

³¹ Лукьянова Т. А. Советско-японские концессии // Актуальные вопросы истории Сибири.

Ч. II. Барнаул, 2007. С. 266.

³² Москва–Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931. С. 58.

³³ Там же. С. 97.

³⁴ Москва–Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931. Сб. док. С. 126.

³⁵ Гаврилов С. В. Охотско-Камчатское акционерное рыбопромышленное общество. 1924–1926 // <http://www.npacific.ru/np/library/publikacii>

³⁶ Там же.

³⁷ Москва–Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931. С. 132.

М. М. Литвинова, «наилучшими добрососедскими». В январе 1928 г. советский дипломат И. М. Майский писал из Токио: «Здесь, по крайней мере, внешне, к нам относятся как к великой державе, и при том, как дружественной великой державе... Общая линия яппра (японского правительства. – В. Д.) сейчас такая: всячески подчеркивать и укреплять “дружбу” с нами, но заставить нас возможно дороже платить за эту “дружбу” в порядке уступок экономических... Насколько прочно нынешнее миролюбие Японии в отношении СССР? Думаю, что довольно прочно»³⁸.

После подписания конвенции 1928 г. японские присутствие в рыбной промышленности на Дальнем Востоке России выросло. Исследователь В. Н. Тимошенко пишет: «Японцы эксплуатировали от 233 до 392 рыболовных участков, на которых работало до 30,4 тыс. чел. и производилось в среднем ежегодно 500 тыс. ящиков рыбных и крабовых консервов»³⁹. Историки отмечают: «Уравнивание в правах японских рыбопромышленников с русскими в вопросах аренды и эксплуатации прибрежных территорий не могло положительно сказаться на русском рыбном промысле. Однако при негативном влиянии конвенции на промыслы дальневосточных советских рыбопромышленников, конвенция послужила стабилизатором русско-японских отношений»⁴⁰.

В начале 1929 г. советское руководство обозначило изменение своей политики в отношении Японии, взяв курс на отказ от компромиссов и уступок в спорных вопросах. Сворачивание советско-японского сотрудничества в первую очередь началось в сфере использования японского труда в рыбопромышленности. 4 апреля 1929 г. было принято секретное постановление Политбюро ЦК ВКП(б), в котором, в частности, говорилось: «Ввиду значительной роли японских рабочих на рыбо- и крабовых морских советских промыслах и на советских предприятиях Дальнего Востока и ввиду медленного пополнения кадра рабочих русскими предложить Наркомтруду представить на утверждение совещания замов рассчитанную на ближайшие годы программу максимального сокращения японской рабочей силы и замены их постоянными кадрами русских рабочих, допуская наем японских рабочих на морские промысла и консервные заводы лишь для совершенно незаменимой квалификации»⁴¹. Вытеснение японского труда из русской рыбопромышленности было лишь частью программы по ограничению японского присутствия на Дальнем Востоке России. Советское руко-

водство приняло решение прекратить выдачу новых концессий японцам и в противовес им предложить концессии американцам.

Политика вытеснения японских рабочих рук из советской экономики проводилась параллельно с попытками организации идеологической работы советских и партийных органов среди японцев. В октябре 1929 г. из Хабаровска докладывали в Москву: «Работа среди японских рабочих совершенно отсутствует»⁴². Партийное руководство на Дальнем Востоке приняло решение: «Ввиду отсутствия кадров работников, знающих китайский и японский языки, просить ЦК командировать в распоряжение Крайкома минимум 3 китайских и 3 японских работника»⁴³.

В том же 1929 г. политику ограничения японского труда на советских предприятиях, с целью давления на Москву, начало проводить и японское правительство. В декабре 1929 г. М. М. Литвинов докладывал И. В. Сталину: «В целях борьбы с все развивающимся крабовым промыслом наших государственных предприятий, производимым с помощью плавучих консервных заводов, японское правительство издало распоряжение о том, что наем рабочих на подобного рода заводы может производиться лишь с санкции Министерства земледелия и лесов. Эта мера... имеет своей целью сорвать наши планы на 1930 год, предусматривающие увеличение количества наших плавучих крабоконсервных заводов с 4-х... до 12-ти, что потребует до 3000 японских рабочих»⁴⁴. На 1930 г. японское правительство обещало отпустить японских рабочих для обслуживания лишь четырех советских краболовов из запланированных 11–12. В ответ на это по предложению народного комиссара торговли А. И. Микояна Политбюро разрешило, в зависимости от дальнейшей политики Японии, ввести ряд мер, затруднявших приезд японских рабочих на русский берег: организовать санитарные осмотры приезжающих на японские промыслы рабочих, производить таможенные досмотры японцев, заменить коллективные визы для рабочих индивидуальными.

Планы вытеснения японского труда из советской рыбопромышленности в 1929 г. были сорваны. Советское руководство в январе 1930 г. было вынуждено «констатировать, что постановление Политбюро о замещении японской рабочей силы русскими работниками хозорганами не выполнено»⁴⁵. Высшее партийное руководство Дальневосточного края 21 января 1930 г. приняло резолюцию: «О завозе рабочей силы для рыбопромышленности на сезон 30 года и мероприятиях по вытеснению японской рабочей силы», утвердившую предложения Бюро Крайкома: «Завоз японской рабочей силы на 1930 год определить как максимум до

³⁸ Майский И. М. Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2 кн. Кн. 1: 1900–1934. М., 2005. С. 294.

³⁹ Тимошенко В. Н. Российско-японские отношения в районе Японского моря в новейшее время (1918–1998) // Вопросы истории Дальнего Востока. Вып. 3 (8). Ч. 1. Хабаровск, 2001. С. 82.

⁴⁰ Борисова А. В. Роль рыболовной конвенции 1928 года в развитии русско-японских дипломатических отношений накануне Второй мировой войны // Мир Евразии. 2013. №1 (20). С. 16.

⁴¹ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. С. 283.

⁴² ГАХК. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 3. Л. 67.

⁴³ ГАХК. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 3. Л. 68.

⁴⁴ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931. С. 301.

⁴⁵ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 72.

9000 чел); «Не допускать применения японской рабочей силы на береговых работах и рыбных промыслах Николаевского округа»⁴⁶.

В начале 1930 г. советское руководство приняло план, предполагавший уже через год ликвидировать японский труд на советских предприятиях. В документе говорилось: «7. Предложить фракции Крайисполкома Отдела Труда и Крайторгу в 2-х месячный срок разработать конкретные мероприятия по полной замене японской рабочей силы в сезон 31 года и доложить в Бюро Крайкома»⁴⁷. В это же время сами японские рабочие проявляли нежелание продолжать работать на советских предприятиях. В марте 1930 г. Бюро Дальневосточного крайкома отмечало «Наличие организованного вредительства японской рабсилы под руководством своих Сендо (предводителей. – В. Д.), выразившегося в частых и совершенно необоснованных требованиях отправки обратно в Японию и проч.»⁴⁸

Политика вытеснения японской рабочей силы в 1929–1930 гг. выглядела несколько «странной» на общем фоне международных отношений в регионе. В это самое время произошло крупнейшее в истории советско-китайских отношений вооруженное столкновение – так называемый «конфликт на КВЖД». Советское руководство в 1929 г. было вынуждено во многом переориентировать свои внешнеторговые отношения, приступив к закупкам продовольствия в Японии. Несмотря на конфликт с Китаем, советские руководители вытесняли японские рабочие руки и принимали различные меры «для прекращения утечки китрабочих с ДВ».

Смена курса в отношении Японии и японцев отчасти была связана со сменой руководства НКВД СССР. Осенью 1928 г. Г.В. Чичерин выехал из Советского Союза на лечение. Его место вскоре занял М. М. Литвинов, убежденный сторонник союза с Англией и США. Смена внешнеполитического курса СССР отражала сложные процессы развития Дальнего Востока в эпоху Великой депрессии, приведшей к «Великому перелому» 1929 г. в России. Среди документов Далькрайкома ВКП (б) появились такие резолюции: «немедленно поставить перед Москвой вопрос о прекращении после выполнения договора в связи с погашением займов 1 000 000 млн., продажи нефти японцам, а продажи ее американцам или через Нефтесиндикат на другие рынки»⁴⁹.

В письме Л. М. Кагановича к И. В. Сталину от 11 сентября 1931 г. говорилось: «Японцы ответили нам на закрытие Чосен банка, причинившее нам до 4-х миллионов убытку, резким увеличением пошлин на экспортируемый нами лес... Розенгольц внес предложение принять ряд мер, которые заставили бы японцев отменить эти пошлины. Он пред-

ложил: сократить импорт из Японии товаров (чай), ввести пошлины на зеленые чаи... Конечно, такие меры с нашей стороны могут вызвать серьезные осложнения в наших отношениях с Японией и без того не особенно блестящих из-за рыбных дел. Мы вопрос отложили до 20-го и просим Вас сообщить свое мнение...»⁵⁰. И хотя И. В. Сталин отстаивал свою позицию – «С Японией нужно поосторожнее»⁵¹ – процесс ухудшения советско-японских отношений стал необратимым.

С вытеснением японского труда из советской рыбопромышленности не было ликвидировано присутствие японских рабочих в рыбопромышленности на Дальнем Востоке России. По всему российскому побережью Тихого океана продолжали работать японские рыбопромышленные предприятия, ежегодно завозившие тысячи рабочих из Японии. Проблема японского присутствия в рыбопромышленности на Российском Дальнем Востоке оставалась одной из самых сложных в советско-японских отношениях до 1945 г.

⁴⁶ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 77.

⁴⁷ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 78.

⁴⁸ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 101–102.

⁴⁹ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 67.

⁵⁰ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кочелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М., 2001. С. 94.

⁵¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кочелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. – М., 2001. С. 103.